

Май 2012 года

Самый длинный день

1

В подъезде на своем этаже Егор увидел трех мужиков в темных куртках с полицейскими нашивками. Ясно, это за ним, потому что вчера он привязал белую ленту на школьный забор. Ладони вспотели, горло стало распирать, как будто начиналась аллергия, но раньше в подъезде у него никогда не бывало приступов. Значит, не аллергия, хотя лучше бы она. Может, если ты начинаешь задыхаться, тебе дают медотвод — или как это называется, когда тебя не арестовывают, потому что ты вот-вот кони двинешь?

Его заметил один из мужиков.

Ты тут проживаешь, спросил он.

Мужик казался крупным из-за куртки, но лицо было совсем детское. Тело квадратное, а голова как шар, как будто голову пупса приделали к телу качка. Кожа вокруг глаз красная, а брови белые. Что будет, если сказать, что нет? Убежать? А потом из страны? Денег у него всего равно нет. Может быть, несовершеннолетних не задерживают?

— Ну да, — ответил Егор. — А что такое?

Он так надеялся, что есть какое-то простое объяснение всему, что происходит. Может, ограбили кого-то на их этаже и теперь допрашивают соседей, может, дед с четвертого опять включил газ и начать орать, что всех подорвет, хотя он давно так не делал. С прошлого лета где-то. Егор даже не знал, живет он там или нет, может, уже в дурку забрали.

Он прошел в квартиру, потому что топтаться у порога не было смысла, и почему-то успокоился, увидев, что внутри есть женщина. Женщины казались более договороспособными, чем мужики с нашивками. В руках она держала папку с бумагами и читала монотонно: «На основании постановления следователя Дзержинского района... Вы в этой квартире проживаете?»

Папа никуда не смотрел. На фоне полицейских в куртках он казался мелким — как будто любой из присутствующих, кроме женщины с постановлениями, мог его проглотить и стать от этого еще больше. Он отвечал невнятно, так что даже Егор, стоя в двух шагах, не мог ничего услышать, но женщина, видимо, могла, потому что задавала другие вопросы, и на них он тоже отвечал.

Папа болеет, хотел сказать Егор, уже две недели, и лучше ему не становится, ему нельзя стоять на сквозняке. Он только на вид крепкий, а на самом деле иммунитет ни к черту из-за курения.

Мужик, который спросил, проживает ли тут Егор, загоразивал проход.

Вы хоть дверь закройте, попросила мама. Люди увидят.

Больше никто в квартире не проживает?

Больше никто, ответила мама и посмотрела на Егора.

В квартире были еще двое: девушка в оранжевой юбке, с волосами, собранными в высокий хвост, и парень в зеленой футболке. Их цветная одежда смотрелась нелепо рядом с черными здоровыми куртками и синими латексными перчатками полицейских.

На Егора все еще не надели наручники, и его затопило позорное, малодушное облегчение, а потом — стыд за это облегчение. Он смотрел на отца, пытался поймать его взгляд, чтобы как-то глазами ему сказать: это ничего, мы справимся, держись! Что бы это ни было, мы разберемся.

Кто были «мы», кто должен был разобраться, Егор пока не знал. Но ему казалось, что сейчас «мы» — это весь мир, который встанет плечом к плечу, чтобы защитить отца.

— За что задержаны, знаете? — спросила женщина.

Знаю, сказал папа и посмотрел на Егора. Не надо при всех.

В наше время, знал Егор, тебя могут повязать за что угодно: за белую ленточку или за требование честных выборов. Это как наводнение, как стихийное бедствие, не стоит даже пытаться

угадать, что послужило причиной. Вот он стоит в своем собственном коридоре, смотрит на папу в наручниках и понимает, что ничего, совсем ничего не может сделать и даже сказать.

Полная и абсолютная беспомощность и страх уже были больше Егора, больше, чем вся эта комната, больше, чем их дом. Страх растворил Егора в себе, как будто внутри него сидела грибница. Им на биологии когда-то рассказывали, сами грибы со шляпками — это просто органы размножения, а настоящий гриб — это грибница, что под землей. Ее уничтожить почти невозможно, она может перестать расти, если условия неблагоприятны, но только на время. Быстрее всего растет гриб, похожий на член. Но это неправда: теперь Егор знал, что быстрее всего растет гриб, похожий на страх. Органы размножения страха с полицейскими нашивками перемещались по их квартире: из комнаты в кухню, потом в его, Егора, комнату. Он перестал дышать. А если они там что-то найдут? Или подбросят? Сейчас выйдут, а в руках — пакетик с кокаином, и привет.

Полицейский в перчатках попросил у Егора телефон. Егор начал диктовать номер, но его прервали. Нет, сказали, аппарат. Мы должны изъять технику. В каком смысле изъять? Надолго? Такие правила.

Папе велели обуваться, но наручники не сняли.

Егор достал из шкафчика папины кроссовки, но ему сказали, что надо без шнурков, и он нашел

древние, на липучках. Папа их только на рыбалку надевал, когда еще ездил, — очень давно. Егор встал на колени, чтобы помочь ему обуться. После болезни папе наклоняться было тяжело, сразу голова кружилась. Как какая-нибудь древнерусская жена, которая снимала своему мужу сапоги. Снимать наверняка проще, чем надевать, потому что папа неуклюже совал ступню, но пятка застревала, и без носков натянуть ботинок оказалось сложно. Ногти у него на ногах были огромные и будто каменные, и в Егоре отвращение боролось с какой-то родительской жалостью. Он же не справится в СИЗО, на нем же там живого места не оставят...

Папу вывели из квартиры, и сразу стало как-то проще. Когда в комнате стоит человек в наручниках, тебе хочется, чтобы его не было, чтобы он куда-то исчез, а тебя освободили от этого зрелища.

В дверях комнаты Егора показался гриб, без пакета с кокаином, но с его, Егора, ноутбуком.

— А когда мне телефон вернут? — спросил он.

— Ты сейчас о телефоне думаешь?

Мама за все время не сдвинулась с места. Психологи приехали, сказал второй гриб, обращаясь к женщине. Она кивнула, сказала своим: работайте тут, потом посмотрела на Егора. Иди во двор. Далеко не уходи, мы тебя позовем.

А телефон с собой можно?

Нельзя телефон. Он может быть уликой.

Его позвали через полтора часа, но узнал он это только в квартире, потому что во дворе часов не было. Насколько же незащищен человек без телефона! Сначала он ходил по двору, никак не мог успокоиться: бродил туда-сюда, но так, чтобы его всегда было видно из подъезда, чтобы никто не решил, что он сбежал, а то тогда и его мордой в пол или в капот.

Голова разрывалась. Что папа мог натворить? Наверняка что-то с бизнесом. Хотя ну какой там бизнес? Три копировальни: две в их городе и еще одна в соседнем, фото на документы, печать, картриджи там всякие и фоторамки. У них в коридоре стояло серебряное деревце (пластиковое на самом деле, конечно, просто типа серебряное) с маленькими овалами, где торчали их лица: внизу — его и Ленкино, потом папино и мамино, бабушки и дедушки с обеих сторон и один овал прадеда со стороны отца. Эти лица без тел и даже без шей смотрелись жутко, как будто какой-нибудь серийный убийца развесил на одном дереве головы, а на другом кишки.

Прадед служил в НКВД, и Егор не хотел, чтобы он висел на серебряном деревце, но его никто не спрашивал. Папа на Девятое мая приготовил его портрет с георгиевской ленточкой — сам напечатал и заламинировал — и ездил с ним в Томск на какой-то «Бессмертный полк».

Не забудь дописать, сколько человек он расстрелял, сказал Егор. Никого он не расстреливал, ответила мама, глупости говоришь. Предками надо гордиться.

Может, папа кому-то должен денег или там налоги не заплатил? Может, соседи настучали из-за того, что он позавчера по телефону орал на партнера? Решили, что избивает кого-то? Да ну, если убивать будут, не приедет никто, а тут сразу трое ментов. Может, партнер подставил? Егор крутил папу во все стороны, мысленно залезал в его планшет и писал там посты про продажную власть (и выкладывал — куда? в «Одноклассники»), шагал с другими участниками митинга, требуя честных выборов, строчил письма политзаключенным. Нет, это совсем не похоже на папу, это все не он, это Егор в папиной шкуре. А что мог натворить настоящий папа? У Егора похолодели ладони. Вдруг сбил кого-то и скрылся с места аварии? Нет, никогда бы он так не поступил — водит он очень осторожно, прям до бесячего.

Егор сел на лавку перед подъездом и стал смотреть на окна своей квартиры. Вышла соседка с четвертого этажа с мусорным пакетом в руках. Спросила: это к вам полиция пришла? Квартиру, что ли, обнесли? В прошлом году тридцать первую обчистили, даже телик вытащили, как в девяностые. Не к нам, соврал Егор. К соседям. К Наташке, что ли? Не знаю.

А ведь кто-то из подъезда наверняка видел, как папу выводят в наручниках, и разглядел

квартиру, куда заходили менты. Хорошо, что у них старый дом и нет никакого домового чата, все сидят по своим норам, но все равно скоро узнают, пойдут слухи.

Вышел полицейский и позвал Егора обратно. Ему показалось, что внутри стало еще больше народа. Мама сидела на кухне и курила сигарету из отцовской пачки, стряхивая пепел в чашку с цветком. Егор не знал, что она курит. Когда он вошел, она даже не обернулась и не посмотрела, когда его завели в его комнату. Разве она не должна пойти с ним? Как же инстинкт защиты потомства? Наконец она встала, но незнакомый мужчина сказал ей: да сидите вы, не ребенок уже, чего вы там будете болтаться.

Егорова ноутбука на столе уже не было, шкафы открыты, постельное белье лежало рядом с кроватью. Полицейский в голубых медицинских перчатках прошел мимо. С нижней полки торчали синие трусы, не факт, что чистые. Они трогали его вещи, двигали книги, копошились в нижнем белье, как клопы или крысы. Как теперь ко всему этому прикасаться? А телефон? В нем они тоже будут копать? Читать переписку во «ВКонтакте»? Со Стасом? С Элей тоже? Господи, конечно, с Элей тоже, какая им разница, с кем переписка. Егор горел, голову распирало, а тело под одеждой чесалось, как будто его тоже всего ощупали, как на медосмотре или даже хуже.

За его письменным столом сидела женщина с хвостом, а на голом матрасе еще одна, в блузке,

юбке и уличной обуви. Наверное, психолог, подумал Егор. Чтобы, значит, мне никто не нанес психологическую травму.

Садись, сказала женщина с хвостом. Куда садиться-то, подумал Егор, она заняла его крутящийся стул за столом и что-то писала. Он сел на кровать рядом с психологом и опустил голову, разглядывая свои носки. Вот тут подпиши, сказала женщина, рядом с сегодняшней датой. Егор подписал: для этого пришлось сильно тянуться с кровати до стола. Вошел полицейский, что-то спросил у женщины, она сказала: ну ты не видишь, я занята, у меня допрос свидетеля. Он извинился и ушел.

— За что арестовали отца? — спросил Егор. — Что он натворил?

— Слушай. — Она отложила ручку. — Я представляю, как ты психуешь. И вещи еще все вытащили. Ты извини, это наша работа. Мне самой это все неприятно.

— Может, вы его с кем-то спутали.

— Может, все может. Я тебя поэтому и позвала, чтобы разобраться.

Сначала вопросы были как в медкабинете: сколько полных лет, где прописан, кем приходится Каргаеву Михаилу Викторовичу. Сыном, хорошо. Братья, сестры есть? Сестра, Елена Каргаева, ясно. Очень много каких-то бумаг, и неоправданно огромные паузы между репликами.

А потом вопросы стали другими. Например, странный: а у вас есть дача? Где? Можешь

вспомнить адрес? Егор не мог вспомнить адрес, только название деревни, а кто там смотрит адреса в деревнях. Наверняка какая-нибудь улица Советская. Дом двадцать шесть: так написано на почтовом ящике желтой краской, и еще висит белая цифра на синем фоне.

Вы часто туда ездите? Не очень. Только летом на пару дней, шашлыки пожарить. Там жить невозможно: туалет на улице, ванны нет, комары, жара. Там еще кто-то живет? Нет, дом был бабушкин, но бабушка умерла, и теперь он наш. Хотели его продать, но кому он нужен — далеко от города, старый. А твой отец часто туда ездит один? Бывает. Летом живет там, говорит: моя фазенда. Маме все обещает, что дом в порядок приведет, но вечно как ни приедешь, там обои содраны, краска, а дело не двигается. Ну, ремонт дело такое. А при чем тут дача? Там что-то произошло, ограбили кого-то? Или убили?

Давай не будем сейчас об этом, сказала следовательница. Да как не будем-то, хотелось закричать Егору, а о чем будем. О чем мы тут вообще говорим? Но он не закричал, потому что страх все еще сидел в нем, в том числе перед этой женщиной, похожей на школьную медсестру, потому что у нее была власть, какой не было у него. Власть смотреть на его трусы в шкафу. Власть читать его переписку. Власть спрашивать про дачу.

Ему показали фотографию папиной машины и спросили: это ваша машина? У отца больше нет

машин? Мы что, миллиардеры, сколько машин нужно на семью? Да и мама не водит. Говорит, пробовала в молодости, но женщина за рулем — как обезьяна с гранатой. Бред, конечно, но ей так внушили. Так вот, одна машина, да. Как часто отец куда-то отлучался? Ну, часто. У него же бизнес, все время нужно куда-то ездить. Логистикой там заниматься, закупками всякими, склад, опять же. Егор никогда в это не погружался. Все шутки по поводу того, что он унаследует отцовский бизнес, были не больше чем шутками. Егор не собирался становиться владельцем трех копировален. Ну, то есть как пассивный доход прикольно, но точно не дело, куда ты самого себя вкладываешь. Странно себя вкладывать в фоторамки в виде серебряного деревца.

А потом следователь стала спрашивать про даты, и тут Егор совсем занервничал. Где твой отец был такого-то числа? А такого-то? Господи, да я с трудом помню, что было неделю назад, а тут — два месяца назад. Ну, попытайся вспомнить.

Мне нужен телефон, сказал Егор. Я посмотрю переписки, может, по ним воспроизведу, что было в тот день.

Телефон правда принесли. Он ощущался каким-то чужим, с крошками талька от перчаток и следами от посторонних пальцев. Егор открыл «ВКонтакте» и провалился в старые переписки. Старался делать все быстро, хотя его никто не торопил. Женщина-следователь

смотрела в окно. Седьмое марта. День перед праздником. Вот он переписывается со Стасом, спрашивает, будет ли тот что-то дарить Марине, чтобы понять, дарить ли ему что-нибудь Эле. С одной стороны, на Двадцать третье февраля он от нее ничего не ждал: еще не хватало этой милитаристской хуйней заниматься. С другой стороны, Восьмое марта — оно вроде бы отчасти про феминизм и вот это все. А если про феминизм, то жухлый тюльпанчик точно не в кассу.

На Восьмое марта папа подарил маме огромный букет лилий в розовой гофрированной бумаге и духи в фольге. От запаха лилий Егору стало нехорошо, он заперся у себя в комнате и открыл окно. Шел дождь. Папа был очень радостный, но не пьяный. Он вообще редко пил и пьяниц не уважал. Когда приехала Ленка, ей он тоже подарил цветы и духи, и Ленка удивилась.

Что было за день до этого? Что делал папа, пока Егор решал, дарить Эле говнотюльпаны или нет? От нее восемь непрочитанных сообщений. Открыл, не стал читать, только быстро написал: «Не могу сейчас, форс-мажор, не пиши мне». Поднял глаза на следовательницу, она смотрела на него, и он зачем-то начал оправдываться, что просто подруге написал.

Да все хорошо, улыбнулась она. Не нервничай ты так, написал и написал. Вспомнил что-нибудь?

Кое-что. Седьмого числа папы не было в городе, он ездил в Бердск на целый день по делам, а по пути заехал на дачу снег разгрести.

— По каким делам, не знаешь?

— Не знаю, честно. Я реально не вникал во всякие штуки с его копировальной.

— Ну ладно. Не волнуйся. Во сколько он вернулся?

Поздно. Папа вернулся поздно, ночью, и мама строго сказала ему: «А ну дыхни!» Егору самому показалось, что он не то подвыпивший, не то что-то еще. Лицо у него было красное, как с мороза. Оказалось, по дороге домой спустило колесо, пришлось менять прямо на трассе, а это дело небystрое, и шиномонтажки уже закрыты. Красный — потому что ветром надуло, час на улице возился. Неудачно, конечно, зато все дела переделал, закупил новых всяких штучек к Восьмому марта. В багажнике, хочешь посмотреть? Привезу завтра в ту точку, которая в ТЦ. Продажи будут — ого-го! Так раньше надо было закупать, сказала мама, чего сейчас-то, праздник уже завтра.

Егор ничего не слушал. Он хотел знать, покупать ли что-то Эле, если это феминистский праздник. Его не интересовало ни колесо, ни подарочный пластик, которым папа забил багажник, он был занят.

— Ты молодец.

Женщина сказала это, и Егор сразу понял, что оступился. Он что-то сказал, за что они зацепились, он подставил отца. Теперь они поймут, что он где-то был, а свидетелей того, что он менял колесо на трассе, не было, как это доказать? Из-за того, что Егор наплел, отца точно

посадят — непонятно за что. Сошьют ему дело, выбьют показания. Заметив, что Егор занервничал, следователь пообещала: ты не волнуйся, мы разберемся. Еще позовем тебя.

— А ему хоть адвокат положен?

Должен же быть кто-то на папиной стороне.

— Конечно, — ответила она. — Всем положен адвокат, а ты как думал.

Не надо переживать.

В коридоре мама стояла с большой спортивной сумкой. Передайте ему, пожалуйста: тут просто одежда, что же он, в домашней будет только. Тапки еще. И фрукты — яблоки только, а еще мыло, шампунь, зубная щетка. Лекарства обязательно: он еще болеет! Оперативники стояли мрачные и неприступные. Одежду давайте, смилостивился один, и тапки, и еще можно обувь без шнурков. Лекарства нельзя, гели и всякие спиртосодержащие тоже. Яблоки — ладно, так уж и быть.

Остальное передавайте завтра через специальную комнату или через внутренний киоск, там все проверят.

А как с ним увидеться можно, спросила мама. И когда? Его отпустят же?

Суд решит, ответила следовательница. С мамой она говорила суровее, чем с Егором. Пишите заявление на свидание на мое имя. Вам сообщат, когда суд.

У Егора снова попросили телефон. Он отдал уже безропотно. С тех пор, как тот побывал

в руках оперативников, у Егора с ним произошла сепарация, как будто на него кто-то плюнул, и прикасаться к экрану не хотелось.

Они ушли. Егору казалось, что страх тоже должен был покинуть комнату, но ушли только грибы. Грибница осталась, она обтянула стены, шкафы, двери. В туалете бачок унитаза был сдвинут в сторону.

* * *

Егор думал, что, когда все уйдут, мама расплачется. Потому что он сам чуть не расплакался. Но мама так и стояла в коридоре: зубы сжаты, в руках пакет с лекарствами, которые не разрешили отправить папе. Там антибиотики тоже были — врач назначил, а папа даже курс не допил. Говорят, очень вредно не завершать курс.

Наверняка у него тоже заберут телефон, и он не сможет написать, как добрался. Как будто на дачу едет. Он всегда маме кидал эсэмэску: «Я доехал». Господи, говорила мама, двигая телефон перед лицом то ближе, то дальше, настраивая фокус, ну что сложного позвонить. Позвонил и сказал: я доехал, и все, я спокойна. Егор тоже не любил звонить. Кажется, никто на самом деле не любит звонить, просто старшее поколение привыкло.

Мама обвела взглядом коридор. На Егора она посмотрела, как на кресло или сдвинутый бачок унитаза. Интересно, подумал Егор, она

тоже чувствует, что всё вокруг заляпанное, грязное? Они как улитки, повсюду оставляли за собой след из слизи. Или как официант, которого выбесил посетитель, и тот плюнул ему в латте. Они поплевали везде. А потом Егор посмотрел еще раз на маму и понял, что на него тоже плюнули, на нем тоже следы слизи. Он хотел сказать, что ничего такого не рассказал, но вообще-то рассказал. Он предатель. Он подставил отца.

Но Егор ведь ничего такого не имел в виду. Его спросили, где папа был седьмого числа и девятого, и все. Это же проще простого выяснить и без его показаний. Мама знает? Ей сказали?

— Ты знаешь, за что его...

Он не знал, как это сказать. «Повязали»? «Схватили»? «Арестовали»?

— Ни за что, — ответила мама. — Им нужно закрыть дело, и они взяли невинного человека.

«Взяли», вот так. Как что-то неодушевленное, что-то, что не может сопротивляться. Папа сопротивления не оказал.

— Я им все сказала. И что болеет, что в прошлом году было воспаление легких, так тяжело перенес. И что волонтер, помогает искать детей. Вы что, говорю, с дуба рухнули, как такой человек может...

Может — что? Мама не договорила, а Егор почему-то испугался и не стал переспрашивать.

Позвони Лене немедленно, сказала мама, надо адвоката искать.

С чего я ей позвоню, ответил Егор, телефона же нет.

Все вытащили, даже папину «Нокию» древнюю, удивительно, что миксер с кухни не унесли или пароварку. У них там зарплаты в полиции хорошие вообще?

Мама пошла в комнату, принесла кошелек и достала из него карточку. Вот, говорит, иди в «Связной», купи нам телефон самый дешевый. Один? Один-один, сейчас надо экономить, сколько адвокат будет стоить — одному Богу известно. Там наверняка бешеные деньги.

3

Он вышел из квартиры, потом вернулся: вспомнил, что не знает маминного ПИНа.

— На другой стороне карточки написано, — сказала она.

Ну ты даешь, мам! Зря ляпнул и сразу понял, что зря, какое кому теперь дело до того, что его мама пишет ПИН-код на обратной стороне карты.

Егор надеялся, что, пока его не будет, мама немного приберется, чтобы он вернулся хотя бы в подобие своего дома. Он выскочил наружу, и улица ощущалась совсем иначе, какой-то искусственной. Как будто все вокруг живут в театральных декорациях, а Егор вдруг их сломал и оказался где-то за сценой, где нет жизни, а есть только рабочие вроде осветителей и механиков.

Загадочным образом этот мир за сценой ощущался менее настоящим, чем декорации, которые его закрывают.

Девушка с длинной косой на плече и в свитере фотографировала их подъезд. Увидев Егора, она опустила телефон и помахала ему рукой. Спросила, из какой он квартиры, но Егор соврал, потому что чувствовал, что сегодняшней правдой уже наделал глупостей. Ему показалось, она еще что-то хотела спросить, но он буркнул, что спешит, сделал недружелюбное лицо и ушел.

В ближайшем «Связном» он зачем-то долго рассматривал айфоны за стеклом и думал: а по мне что-нибудь видно? По человеку вообще можно сказать, что с ним стряслось что-то ужасное? Вот этот парень в фирменной футболке, который колупает зубочисткой между зубами, уставившись в экран, он замечает, что с Егором что-то не так? Разумом Егор понимал, что ни фига он не замечает. Ему по фигу. Но телом он весь сжимался, съеживался, хотел прикрыться и спрятаться, потому что на нем — остатки той грибной слизи. Его ведь только что выпотрошили, неужели не видно?

Самый дешевый телефон все равно стоил три тысячи.

Дайте этот, сказал Егор.

Он думал, что парень в фирменной футболке спросит: «Ты уверен?», но он не спросил. Молча открыл стекло, повертел телефон в руках и сказал, что этот только с витрины. А скидка будет?

Ну, давай пять процентов скину, но он нормальный, не коцанный. Бесконечно долгое оформление, а Егора уже тошнило от вида бумаг.

Новый телефон ощущался в руке приятно. Наконец-то у него снова есть связь с миром. Но загружался он очень долго, а потом написал, что нет сети. Точно, симки же нет! Хорошо, что магазин оператора был напротив, но там была очередь и два продавца.

Я хочу купить симку и восстановить старый номер, сказал Егор, когда подошел его черед. Надеялся, что не спросят, куда дел симку. Никто не спросил.

Конечно, ответила девушка, ваш паспорт. Минуточку. На ваш паспорт не зарегистрирован номер у нашего оператора. Вы ничего не перепутали?

И тут Егор вспомнил, что этот номер у него еще с младшей школы, с первого класса. У него тогда еще и паспорта не было.

— Он на папу оформлен.

— Тогда ваш папа должен прийти с паспортом, — сказала девушка, вернула Егору документы и обрадовалась, что не надо работать.

Как же он придет? Он в изоляторе, мы не знаем, когда выйдет. Никто не знает, когда человек выйдет оттуда, вы это понимаете? Если ты туда попадешь, ты падаешь в кроличью нору и еще глубже и страшнее, до самого центра земли.

Он не может прийти, ответил Егор. Он уехал.

— Ну, когда приедет.

Когда он приедет? Никто не знает, совсем никто. Егор купил новую симку, вставил ее в телефон и как будто вернул себе немного реальности, состоявшей из иконок и равномерных полосок текста. Буквы успокаивали. Они пока были домом, который не отняли и не заляпали, хотя полиция уже наверняка копается в его переписках и ржет.

Он написал Эле эсэмэску:

У нас полный треш. Можно я через пару часов к тебе приду?

Эля ответила: «Приходи в любое время», и Егор не мог дождаться секунды, когда он нырнет в мягкий мыльный запах ее комнаты.

Но сначала надо позвонить Лене. Номер сестры Егор помнил наизусть — он у нее тоже никогда не менялся. Она взяла трубку с третьего раза, потому что не брала с незнакомых номеров.

— Это я, Егор.

— Что за номер? Это твой теперь?

— Наш с мамой номер на двоих. Короче, надо, чтобы ты пришла.

— С папой что-то?

Как она почувствовала? Потом Егор сообразил, что папа болел и туго шел на поправку. Наверное, решила, что его забрали в больницу.

Да, с папой, но не то, что ты думаешь. Короче, его забрали менты. Увели в наручниках, я ничего больше не знаю. Да не сказали они за что! Там полный треш какой-то, мы сами ничего не знаем,

в доме все перевернули, забрали всю технику. Приезжай, пожалуйста. Если у тебя есть какой-нибудь старый телефон или ноут, привези, ладно? Маме очень плохо, но она держится.

Приезжай, пожалуйста.

4

Мама ничего не убрала в доме — совсем ничего. Разве уборка не должна ее успокаивать? Она сидела на лоджии и курила, глядя во двор. Почти одновременно с Егором приехали Ленка с Бубой.

На хрена собаку приперла, ну ты в своем уме, сказала мама, еще бы крокодила взяла.

С кем я ее оставляю, она одна не может, объяснила Ленка, она тревожится и будет выть пять часов.

Ленка опустила Бубу на пол. Егор сел на корточки и поманил ее к себе. Он тоже был готов выть спать часов. На голове у Бубы была розовая резинка, и оттого мордочка казалась какой-то игрушечной. Она поставила лапы Егору на штаны и обнюхала его карман. Егор любил Бубу, а еще на нее у него не было аллергии. Ленке принесли ее усыплять — вот так, совершенно здоровую Бубу, — потому что некому было с ней возиться, а она квартиру разносит. Да-да, такая маленькая и разносит.

Они с ней никогда не гуляли, вы представляете, рассказывала Ленка год назад, держа Бубу

на руках. Никогда! Собаке два года, ее вообще не выводили на улицу.

Ну, не знаю, говорил папа. Это не собака, а мышка какая-то, зачем таких заводят.

Ты еще ее в жопу поцелуй, советовала мама.

Теперь Буба жила свою лучшую Бубину жизнь и много бывала на улице. Оставалось надеяться, что ее хозяйку никто не уведет в наручниках и не оставит собаку совсем одну в квартире, из которой она больше никогда не выйдет.

Ленка сообразила захватить из дома старый телефон и древний ноут. Она встала с дивана, выпрямилась, вытянулась и сделалась неожиданно выше их с мамой. Величественная Ленка, спасающая жизнь собакам, показалась Егору твердой, так что на нее можно опереться. Вторым папой. Она ведь и чертами лица на него очень походила, все замечали. Когда они ругались, клочки летели по закоулочкам, как выражалась мама, но Ленка все равно оставалась папиной дочкой. Когда у него была пневмония, она ездила в больницу каждый день, даже когда он был в реанимации и к нему не пускали, она все равно приезжала, разговаривала с врачами.

Будем искать адвоката, сказала Ленка, берясь за телефон. Буба залаяла на шум в подъезде, но мама ей ни слова не сказала. Собака спасительницы может лаять, может даже насать в коридоре (Буба так никогда не делала, но вдруг), ей все можно, пока Ленка спасает мир.

— Как звучит статья?

Мама посмотрела на Егора. Что? Егор тоже не знал, как она звучит.

— Егор, можешь к Эле пойти?

Откуда она узнала, что он собирался? Егор растерялся. В смысле? Это же момент, когда они все должны держаться вместе. Как в ужасниках — ни за что нельзя разлучаться, потому что тогда их просто перебьют по одному. Почему мама не хочет говорить, если это откровенная чушь и пришитая статья? Чего она боится?

Никуда я не пойду. Говори как есть, мы же должны быть вместе.

Мама молчала, Ленка ждала. Буба крутилась под ногами, обнюхивая вещи на полу. Сейчас их было много. Ладно, сказал он, когда понял, что все молчат слишком долго. Ладно, я тогда пойду к Эле. Вот мой новый номер, а я буду на Ленкин звонить. Сестра поставила чайник и уткнулась в телефон, разматывая километры контактов, ища, за кого зацепиться, кто может помочь. Только бы нашла.

Егор ушел, чувствуя себя совершенно бесполезным, как Буба.

5

В квартире Эли всегда пахло сиренью — не из окна, а от самих стен. Егору сперва казалось, что это какой-то освежитель воздуха, но запах был не такой химозный, скорее приятный, и так

пахло от Эли, ее волос и одежды. С тех пор как они в восьмом классе начали встречаться, этот запах означал для него покой. У него, как у собаки Павлова, уже выработался рефлекс.

Эля была чем-то похожа на Ленку или будет похожа с возрастом. Она обняла Егора. Ей было важно, чтобы ее обнимали и сдавливали, поэтому они всегда обнимались при встрече и раскачивались, как на медляке в школе. Пока они раскачивались, Егор смотрел на изображение темного дворца на постере. Сам он им как-то не проникся.

Эля никогда не закрывала дверь в свою комнату, и это Егора нервировало. То есть закрывала, только если они занимались сексом, а все остальное время дверь была открыта. Егору хотелось оставаться в коробочке, особенно сейчас. Особенно после того, как голодная стая прошерстила его дом, заглянула во все потайные углы.

Так что случилось, спросила Эля. С папой что-то, да?

Она тоже знала, что он болел. Егор ей рассказал. Он плохо рассказывал — не в смысле сейчас, а в смысле всегда плохо рассказывал, в школе писал самые отвратительные изложения: вечно сбивался, не мог отличить важное от неважного, а когда отвечал устно, все время тянул «э-э» и «короче». Поэтому слушать его было сложно — все так говорили, но Эля слушала. Егор сильно путался, так что пришлось начинать с начала несколько раз, потому что даже Эля не могла разобрать последовательность

событий. Сначала тебя допросили, а потом папу увели? Да нет же! У тебя что-то нашли в телефоне, и поэтому все забрали?

Вопросы выматывали, они были как сломанное объятие. В нормальном объятии тебя стискивают и отпускают, а в сломанном стискивание не прекращается и собеседник давит тебя, давит, давит, даже когда ты умоляешь прекратить.

— Ты голодный?

Никто не додумался задать ему этот вопрос дома.

— Вообще-то очень.

Она отвела его на кухню и сделала два бутерброда с сыром и колбасой. У них на кухне всегда было открыто окно, и Егору это обычно нравилось, но снизу доносились мужские голоса, и теперь это нервировало. Эля спросила, разогреть ли суп, но Егор ответил, что бутербродов хватит. Суп — это как-то очень обстоятельно, чересчур серьезно. Как будто если ты ешь где-то суп, то ставишь подпись в непонятном домоводческом документе, обязуясь врать в этот дом и в эту кухню навсегда. Отныне и вовеки веков. Пока он жевал, запивая кофе, Эля молчала, давая ему пространство.

Он доел и снова рассказал, теперь стараясь держаться курса. В подъезде менты. В квартире тьма народа и папа в наручниках. Папу увели. Его выгнали на улицу. Он вернулся, все в доме вверх дном. Стали допрашивать. Очень долго, очень — тьмы бумаг, кипы.

— Так, — остановила его Эля.

И уже по этому ее «так» стало понятно, что он налажал.

А тебе объяснили про пятьдесят первую? Что ты имеешь право не свидетельствовать против близких родственников?

Все оборвалось. Бутерброды перевернулись в животе.

Я думал, только против себя можно не свидетельствовать.

Нет, против родителей тоже. Вот, смотри.

Ему хотелось на нее закричать: перед тобой ноут! Ты открываешь «Яндекс» и читаешь, блин, оттуда! Твоя квартира не перевернута вверх дном, над тобой не нависают грибы страха, ты тут сидишь и умничаешь, потому что тебе ничего не угрожает. Егор не понял, как разозлился, а когда понял — не мог сообразить, почему разозлился именно на Элю, которая пыталась ему помочь.

Капец ты красный, сказала Эля. У тебя на колбасу с сыром точно нет аллергии?

Точно. Только на арахис.

А протокол ты читал? Эля смотрела в экран и общалась только с ним. Внимательно?

Да вроде читал.

Ему не хотелось, чтобы Эля спрашивала дальше, чтобы пересчитывала его ошибки одну за другой, чтобы смотрела на него с выражением: «Ну, ты это, конечно, сделал, не окончательный же ты debil». А Егор раньше даже не подозревал, как стресс парализует мысли.